

УДК 159.9**Психологические аспекты перцепции власти в рамках теории социального доминирования****Мидоре Ксения Валерьевна**

Студент,
Дальневосточный федеральный университет,
690922, Российская Федерация, Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10;
e-mail: Midore@mail.ru

Мирошник Алина Андреевна

Студент,
Дальневосточный федеральный университет,
690922, Российская Федерация, Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10;
e-mail: e-mail: Midore@mail.ru

Сафонова Ася Юрьевна

Студент,
Дальневосточный федеральный университет,
690922, Российская Федерация, Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10;
e-mail: e-mail: Midore@mail.ru

Плотникова Маргарита Витальевна

Студент,
Дальневосточный федеральный университет,
690922, Российская Федерация, Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10;
e-mail: e-mail: Midore@mail.ru

Морозова Анжелика Альбертовна

Студент,
Дальневосточный федеральный университет,
690922, Российская Федерация, Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10;
e-mail: e-mail: Midore@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена изучению психологических механизмов восприятия власти через призму теории социального доминирования. Рассматриваются ключевые аспекты перцепции власти, включая когнитивные искажения, стереотипизацию, эмоциональную регуляцию и атрибутивные процессы. Особое внимание уделено роли социальной идентичности в легитимизации властных структур и межгрупповых взаимодействиях.

Описывается влияние культурных и социальных норм на интерпретацию власти в разных контекстах, а также рассматриваются последствия предвзятости в восприятии властных фигур. В работе анализируются теоретические модели и эмпирические данные, иллюстрирующие, как социальные иерархии и индивидуальные психологические особенности влияют на отношение к власти. В заключении показано, что психологические исследования показывают, что личностные черты также оказывают значительное влияние на восприятие власти. Согласно пятифакторной модели личности, такие характеристики, как экстраверсия, добросовестность и эмоциональная стабильность, определяют реакцию на властные структуры. Экстраверты чаще воспринимают власть как положительный феномен, тогда как люди с высоким уровнем нейротизма склонны интерпретировать властные отношения через призму угрозы. Индивиды с высокой добросовестностью демонстрируют большую готовность к подчинению, что связано с их склонностью к структурированным социальным взаимодействиям.

Для цитирования в научных исследованиях

Мидоре К.В., Мирошник А.А., Сафонова А.Ю., Плотникова М.В., Морозова А.А. Психологические аспекты перцепции власти в рамках теории социального доминирования // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 9А. С. 97-104.

Ключевые слова

Перцепция власти, теория социального доминирования, когнитивные искажения, социальная идентичность, стереотипизация, эмоциональная регуляция, межгрупповые взаимодействия, легитимизация власти.

Введение

Понятие власти является центральным в социальной психологии, так как оно определяет динамику межличностных и межгрупповых взаимодействий. Восприятие власти, или перцепция власти, отражает то, как индивиды и группы интерпретируют и реагируют на властные отношения в обществе. Основные концепции восприятия власти в социальной психологии основываются на нескольких ключевых теориях. Теория социального обмена П. Блау утверждает, что власть возникает из зависимостей в социальных отношениях, где один индивид контролирует ресурсы, необходимые другому. В этом контексте восприятие власти связано с оценкой ресурсов и взаимозависимости между участниками взаимодействия. Когнитивные подходы подчеркивают роль ментальных процессов в восприятии власти. С. Т. Фиске отмечает, что стереотипы и категоризация влияют на то, как люди воспринимают властные фигуры [Fiske, 1993]. Например, властные фигуры могут ассоциироваться с определенными чертами, такими как компетентность или авторитарность, что влияет на ожидания и поведение по отношению к ним.

Основное содержание

Теория социальной идентичности Г. Тэджфела и Дж. Тёрнера фокусируется на том, как принадлежность к определенной группе влияет на восприятие власти. Индивиды склонны

приписывать положительные характеристики своей "внутригруппе" и отрицательные — "внешней группе", что сказывается на оценке легитимности власти представителей разных групп. Связь теории социального доминирования с когнитивными и эмоциональными аспектами перцепции власти является одним из ключевых направлений современных исследований. Теория социального доминирования Дж. Сиданиуса и Ф. Пратто утверждает, что общества стремятся к установлению и поддержанию иерархических структур, основанных на групповых различиях. Индивиды с высокой ориентацией на социальное доминирование (ОСД) склонны поддерживать неравенство и иерархии, что отражается в их когнитивных установках и эмоциональных реакциях [Тэджфел, 2001; Pratto, Sidanius, Stallworth, Malle, 1994].

Когнитивно, ОСД связана со склонностью к стереотипизации и предубеждениям. Исследования показывают, что лица с высокой ОСД чаще воспринимают социальные иерархии как естественные и оправданные. Они также склонны к категоризации людей по группам с последующей оценкой на основе групповой принадлежности. Эмоционально, перцепция власти в контексте теории социального доминирования связана с чувствами превосходства или, наоборот, угнетения. Представители доминирующих групп могут испытывать гордость и уверенность, в то время как представители подчиненных групп — чувство несправедливости или беспомощности. Например, исследования показывают, что лица из доминирующих групп менее чувствительны к проявлениям дискриминации и реже признают существование системного неравенства.

Роль социальных иерархий и групповой принадлежности в формировании восприятия власти является критической. Социальные иерархии определяют распределение ресурсов и возможностей, что влияет на опыт и восприятие власти индивидами. Групповая принадлежность задает рамки социальной идентичности, влияя на то, как индивиды интерпретируют властные отношения.

Например, в исследованиях межгрупповых отношений было установлено, что индивиды склонны воспринимать власть своей группы как более легитимную и заслуженную. Это проявляется в феномене внутригруппового фаворитизма, когда преимущества и привилегии своей группы воспринимаются как справедливые, а аналогичные преимущества внешних групп — как необоснованные. Кроме того, культурные и социальные нормы влияют на восприятие власти. В культурах с высокой дистанцией власти, согласно модели Г. Хофстеде, неравенство и иерархия принимаются как данность, что сказывается на перцепции власти и отношениях между различными социальными слоями.

Современные исследования также рассматривают влияние социальных медиа и информационных технологий на восприятие власти. Цифровые платформы меняют традиционные иерархические структуры, позволяя новым акторам приобретать влияние и власть вне традиционных институциональных рамок.

Факторы, влияющие на перцепцию власти, включают сложное взаимодействие психологических механизмов и социально-культурных детерминант, которые формируют представления о власти на индивидуальном и групповом уровнях. Психологические механизмы, такие как предвзятость, стереотипизация и социальная идентичность, играют центральную роль в когнитивной интерпретации властных отношений.

Предвзятость в восприятии власти проявляется в когнитивных искажениях, которые возникают на основе прошлых социальных и индивидуальных опытов. Одним из ярких примеров предвзятости является так называемая «иллюзия легитимности», когда властные

фигуры воспринимаются как заслуживающие своего положения исключительно на основе их статуса. Этот феномен особенно выражен в обществах с сильной социальной стратификацией, где власть ассоциируется с успехом и компетентностью. Такие когнитивные установки влияют на то, как люди реагируют на властные фигуры: подчиненные чаще склонны оправдывать их действия, даже если они противоречат личным интересам.

Стереотипизация усиливает предвзятость и формирует фиксированные ожидания в отношении лидеров и властных структур. Социальные стереотипы, связанные с властью, часто строятся на гендерных, этнических и возрастных характеристиках. Например, мужчины-лидеры традиционно воспринимаются как более уверенные и компетентные, тогда как женщины в аналогичных ролях сталкиваются с двойными стандартами, требующими проявления как мягкости, так и твердости. Это создает дополнительные барьеры для признания их власти. Этнические стереотипы также играют значительную роль: представители доминирующих этнических групп воспринимаются как более легитимные носители власти, тогда как представители меньшинств часто сталкиваются с недоверием и скептицизмом.

Социальная идентичность, являясь одной из ключевых концепций социальной психологии, определяет, как индивиды воспринимают власть через призму принадлежности к той или иной группе. Люди склонны приписывать положительные характеристики и легитимность власти «своей» группе, одновременно подвергая критике власть внешних групп. Это явление особенно ярко проявляется в политических конфликтах, где власть оппозиционных партий воспринимается как угроза национальной стабильности, в то время как действия собственной партии рассматриваются как справедливые и обоснованные. На уровне межгрупповых взаимодействий социальная идентичность формирует так называемый эффект внутригруппового фаворитизма, который усиливает доверие и поддержку властных структур внутри своей группы.

Социально-культурные детерминанты восприятия власти задают контекст, в котором развиваются когнитивные механизмы. Одной из ключевых детерминант является уровень дистанции власти, который отражает степень принятия неравенства в обществе. В культурах с высокой дистанцией власти, таких как страны Азии и Латинской Америки, иерархия воспринимается как естественный порядок вещей, и власти приписываются черты мудрости и справедливости [Бандура, 2000]. В культурах с низкой дистанцией власти, например, в скандинавских странах, акцент делается на равенстве и демократических принципах, что влияет на восприятие лидеров как временных и подотчетных обществу.

Культурные нормы и традиции формируют ожидания относительно поведения властных фигур. В патриархальных обществах мужчины-лидеры чаще воспринимаются как легитимные, тогда как женщины сталкиваются с барьерами, связанными с традиционными гендерными ролями. В мультикультурных обществах власть этнических меньшинств нередко подвергается сомнению из-за исторически укорененных предрассудков и асимметрии распределения ресурсов.

Роль глобализации и цифровых технологий в формировании перцепции власти также заслуживает внимания [Фань, Барашева, 2024]. Социальные медиа создают платформу для непосредственного взаимодействия между властью и обществом, снижая традиционные барьеры иерархии. Однако это порождает новые вызовы, такие как высокая степень прозрачности, которая требует от лидеров публичного обоснования своих действий [Таова, Ардавов, 2023]. В таких условиях перцепция власти меняется, акцентируясь на личных

качествах лидера, его способности коммуницировать с аудиторией и адаптироваться к ожиданиям масс. В эпоху цифровизации власть становится более уязвимой перед общественной критикой, что усиливает значимость социально-культурных детерминант в контексте глобальной коммуникации [Юй, Уртаева, 2024].

Когнитивная категоризация играет центральную роль в процессах восприятия власти, так как она обеспечивает быструю обработку информации о социальных объектах. Согласно теории когнитивных схем, разработанной в рамках исследований Жана Пиаже и дополненной в социальной психологии, люди используют ментальные шаблоны для интерпретации социальной информации. Эти схемы включают фиксированные представления о власти, основанные на чертах доминирования, компетентности и ответственности. Например, лидеры чаще всего воспринимаются через призму ожиданий относительно их харизмы и способности принимать решения. Исследования показывают, что люди с высоким статусом автоматически ассоциируются с большей компетентностью, даже если объективные данные этого не подтверждают. Этот эффект связан с феноменом "иллюзии легитимности", при котором статус человека служит основанием для положительной оценки его качеств, что создает когнитивное искажение.

Эмоциональная составляющая восприятия власти является не менее важной, так как эмоции служат индикатором того, воспринимается ли власть как легитимная или угрожающая. Согласно теории эмоций Ричарда Лазаруса, эмоции формируются на основе когнитивной оценки ситуации. Например, если власть воспринимается как справедливая, она вызывает положительные эмоции, такие как чувство защищенности и доверие. В противном случае доминируют такие негативные эмоции, как гнев, возмущение или страх, которые часто становятся катализатором протестного поведения. Власть, связанная с высокими уровнями контроля, также вызывает чувство уверенности у подчиненных, особенно если индивид обладает внутренним локусом контроля. Напротив, внешний локус контроля усиливает восприятие власти как внешнего давления, что провоцирует стресс и эмоциональное напряжение.

Социальная идентичность, как объясняет теория Г. Тэджфела, является важным элементом в формировании отношения к власти. Идентичность индивида в рамках определенной группы формирует его представления о легитимности властных фигур как внутри группы, так и за ее пределами. Власть представителей собственной группы чаще воспринимается как естественная и справедливая, тогда как власть представителей внешней группы вызывает недоверие. Этот механизм особенно ярко проявляется в условиях политической или этнической поляризации. Например, в межгрупповых конфликтах одна группа может воспринимать действия в власти как способ защиты своих интересов, тогда как другая будет интерпретировать их как форму угнетения.

Предвзятость является еще одним значимым механизмом, влияющим на восприятие власти. Предвзятые когнитивные установки, такие как стереотипы и эвристики, упрощают интерпретацию сложных социальных ситуаций, но одновременно могут создавать барьеры для объективного восприятия. Стереотипы о власти часто основаны на культурных и исторических ожиданиях. Например, традиционные представления о мужском лидерстве формируют устойчивую связь между властью и маскулинными характеристиками, такими как сила и решительность, что усложняет восприятие женщин-лидеров в аналогичных ролях. Этнические предрассудки также влияют на легитимность власти: представители меньшинств могут

восприниматься как менее компетентные или менее заслуживающие властных позиций, что ограничивает их возможности в иерархических структурах.

Атрибутивные процессы дополняют эту картину, так как они объясняют, как люди интерпретируют поведение властных фигур. Согласно теории атрибуции Ф. Хайдера, индивиды склонны приписывать действия лидеров либо внутренним характеристикам (харизме, интеллекту), либо внешним обстоятельствам (социальному давлению, ресурсным ограничениям). Власть, которая воспринимается как результат личных качеств лидера, вызывает большее уважение и доверие. Однако, если действия власти объясняются внешними факторами, это снижает ее легитимность. Например, авторитарные лидеры часто объясняют свои действия внешними угрозами, чтобы усилить поддержку со стороны населения, тогда как демократические лидеры полагаются на признание своих личных заслуг.

Важным аспектом является поведенческая составляющая восприятия власти. Поведение индивида в ответ на власть определяется как внутренними, так и внешними стимулами. Согласно теории научения Альберта Бандуры, люди формируют свои реакции на власть через наблюдение и подражание. Например, властные фигуры, демонстрирующие компетентность, заботу и прозрачность, способствуют формированию у подчиненных положительных ожиданий и доверия. Напротив, лидеры, чьи действия воспринимаются как агрессивные или несправедливые, вызывают сопротивление и протестное поведение.

Заключение

Психологические исследования показывают, что личностные черты также оказывают значительное влияние на восприятие власти. Согласно пятифакторной модели личности, такие характеристики, как экстраверсия, добросовестность и эмоциональная стабильность, определяют реакцию на властные структуры. Экстраверты чаще воспринимают власть как положительный феномен, тогда как люди с высоким уровнем нейротизма склонны интерпретировать властные отношения через призму угрозы. Индивиды с высокой добросовестностью демонстрируют большую готовность к подчинению, что связано с их склонностью к структурированным социальным взаимодействиям.

Библиография

1. Бандура, А. Теория социального научения / А. Бандура. – СПб.: Питер, 2000. – 320 с.
2. Тэджфел, Г. Межгрупповые отношения и социальная идентичность / Г. Тэджфел // Социальная психология: Хрестоматия. – М.: Аспект Пресс, 2001. – С. 320–360.
3. Fiske, S. T. Controlling Other People: The Impact of Power on Stereotyping / S. T. Fiske // *American Psychologist*. – 1993. – Vol. 48, No. 6. – P. 621–628.
4. Hofstede, G. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations Across Nations / G. Hofstede. – Thousand Oaks: Sage Publications, 2001. – 616 p.
5. Pratto, F., Sidanius, J., Stallworth, L. M., Malle, B. F. Social Dominance Orientation: A Personality Variable Predicting Social and Political Attitudes // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1994. – Vol. 67, No. 4. – P. 741–763.
6. Фань, И. Стратегии восстановления глобальной экономики в постэпидемическую эпоху: вызовы, возможности и политические рекомендации / И. Фань, Е. В. Барашева // *Human Progress*. – 2024. – Т. 10, № 4. – DOI 10.46320/2073-4506-2024-4a-19. – EDN UYGNQW.
7. Таова, Л. Ю. Коррупция как социально-политическое явление / Л. Ю. Таова, М. М. Ардавов // *Евразийский юридический журнал*. – 2023. – № 1(176). – С. 395-397. – EDN GJCGRB.
8. Юй, Т. Перспектива и современные тенденции в развитии политической и экономической ситуации в России / Т. Юй, Э. Б. Уртаева // *Дискуссия*. – 2024. – № 2(123). – С. 22-27. – DOI 10.46320/2077-7639-2024-2-123-22-27. – EDN NLMXDM.

Psychological aspects of the perception of power in the framework of the theory of social dominance

Kseniya V. Midore

Student,
Far Eastern Federal University,
690922, 10 p. Ayaks, o. Russkii, Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: Midore@mail.ru

Alina A. Miroshnik

Student,
Far Eastern Federal University,
690922, 10 p. Ayaks, o. Russkii, Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: Midore@mail.ru

Asya Yu. Safonova

Student,
Far Eastern Federal University,
690922, 10 p. Ayaks, o. Russkii, Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: Midore@mail.ru

Margarita V. Plotnikova

Student,
Far Eastern Federal University,
690922, 10 p. Ayaks, o. Russkii, Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: Midore@mail.ru

Anzhelika A. Morozova

Student,
Far Eastern Federal University,
690922, 10 p. Ayaks, o. Russkii, Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: Midore@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the study of psychological mechanisms of perception of power through the prism of the theory of social dominance. Key aspects of the perception of power are considered, including cognitive distortions, stereotyping, emotional regulation, and attributive processes. Special attention is paid to the role of social identity in legitimizing power structures and intergroup interactions. The influence of cultural and social norms on the interpretation of power in different contexts is described, as well as the consequences of bias in the perception of power figures. The

paper analyzes theoretical models and empirical data illustrating how social hierarchies and individual psychological characteristics affect attitudes towards power. In conclusion, it is shown that psychological research shows that personality traits also have a significant impact on the perception of power. According to the five-factor personality model, characteristics such as extraversion, conscientiousness, and emotional stability determine responses to power structures. Extroverts are more likely to perceive power as a positive phenomenon, whereas people with high levels of neuroticism tend to interpret power relationships through the prism of threat. Individuals with high conscientiousness demonstrate a greater willingness to obey, which is associated with their tendency to structured social interactions.

For citation

Midore K.V., Miroshnik A.A., Safonova A.Yu., Plotnikova M.V., Morozova A.A. (2024) Psikhologicheskie aspekty pertseptsii vlasti v ramkakh teorii sotsial'nogo dominirovaniya [Psychological aspects of the perception of power in the framework of the theory of social dominance]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 13 (9A), pp. 97-104.

Keywords

Perception of power, theory of social dominance, cognitive distortions, social identity, stereotyping, emotional regulation, intergroup interactions, legitimization of power.

References

1. Bandura, A. (2000). *Social Learning Theory*. St. Petersburg: Peter.
2. Tajfel, H. (2001). *Intergroup Relations and Social Identity*. In *Social Psychology: A Reader* (pp. 320–360). Moscow: Aspect Press.
3. Fiske, S. T. (1993). Controlling Other People: The Impact of Power on Stereotyping. *American Psychologist*, 48(6), 621–628.
4. Hofstede, G. (2001). *Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations Across Nations*. Thousand Oaks: Sage Publications.
5. Pratto, F., Sidanius, J., Stallworth, L. M., Malle, B. F. (1994). Social Dominance Orientation: A Personality Variable Predicting Social and Political Attitudes. *Journal of Personality and Social Psychology*, 67(4), 741–763.
6. Fan, I., Barasheva, E. V. (2024). Strategies for Global Economic Recovery in the Post-Pandemic Era: Challenges, Opportunities, and Policy Recommendations. *Human Progress*, 10(4). <https://doi.org/10.46320/2073-4506-2024-4a-19>
7. Taova, L. Y., Ardavov, M. M. (2023). Corruption as a Socio-Political Phenomenon. *Eurasian Legal Journal*, 1(176), 395–397.
8. Yuy, T., Urtaeva, E. B. (2024). Perspectives and Current Trends in the Political and Economic Situation in Russia. *Discussion*, 2(123), 22–27. <https://doi.org/10.46320/2077-7639-2024-2-123-22-27>